

Жизнь Бунина

1870-1906

ПРЕДИСЛОВИЕ

С большим волнением приступила я к работе над этой книгой. Озаглавила я ее «Жизнь Бунина» потому, что некоторые критики, к большому возмущению Ивана Алексеевича (он выступал даже по этому поводу в печати), называли и называют его роман «Жизнь Арсеньева» автобиографией. В тексте я указываю, что в романе многие события, имевшие место в действительности в одном городе, перенесены и приписаны другим лицам, что в «Жизни Арсеньева» нарушена хронология или же воедино соединены события, – например, отъезд Анхен в Ревель и появление первого стихотворения Алеши Арсеньева происходят в одно время, тогда как в жизни Бунина эти события разделены двумя годами. Особенно изменена книга пятая в «Жизни Арсеньева»: в романе иначе разворачивается полтавский период, чем это было в жизни Бунина. Героиня романа Лика – тоже не В. В. Пашенко, как по внешности, так и по душевным качествам. Я нашла заметку Ивана Алексеевича: «Лика вся выдумана».

Конечно, в «Жизни Арсеньева» очень много биографических черт, взята природа, в которой жил автор, но все художественно переработано и подано в этом романе творчески, и, может быть, подано так потому, что автору хотелось, чтобы это было так в его жизни.

Автобиографичны и чувства автора в «Митиной любви», хотя в этом произведении ничего нет из жизни Бунина.

Кроме автобиографического конспекта (с 1881 по 1907 гг.), заметок, кратких дневников Ивана Алексеевича, я пользовалась воспоминаниями его родных, рассказами родственников, с которыми я прожила в большой близости одиннадцать лет, как раз в тех местах, где протекало детство, отрочество и юность Ивана Алексеевича и где он часто и в зрелом возрасте проводил недели и месяцы.

Конечно, всех нужных материалов у меня под рукой нет, и поэтому я не могу назвать эту книгу биографией, а рассказываю жизнь Бунина, как я ее знаю.

Бунины любили вспоминать, представлять, рассказывать о близких и знакомых, подчеркивая всегда их характерные черты.

До сих пор мало известна жизнь Ивана Алексеевича между 1895 и 1898 годами, мало кто знает и о его первом путешествии по Европе (с его другом Куровским), и о его пребывании в Константинополе «незабвенной весной 1903 года».

Приношу большую благодарность Софье Юльевне Прегель и Леониду Федоровичу Зурову за их поддержку во время моего писания и за добрые советы, которые они мне давали. Благодарю и княгиню Маргариту Валентиновну Голицыну за те сведения, которыми она поделилась со мной о жизни Буниных в Озерках, а также и баронессу Людмилу Сергеевну Врангель, от которой я узнала кое-что новое в жизни Ивана Алексеевича, когда они оба были молоды. Спасибо Александру Кузьмичу Бабореко, который во время моей работы посылал нужные данные для моей книги.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Разбирая бумаги Ивана Алексеевича, я обнаружила среди них интересную запись, с которой и начинаю эту книгу [5].

«23 октября 1940 (10.X.40 по старому стилю), 11 1/2 ч. вечера.

...70 лет тому назад на рассвете этого дня (по словам покойной матери) я родился в Воронеже, на Дворянской улице».

«Тогда мне казалось, да и теперь иногда кажется, что я что-то помню из жизни в Воронеже, где я родился и существовал три года. Но все это вольные выдумки, желание хоть что-нибудь найти в пустоте памяти о том времени. Довольно живо вижу одно, нечто красивое: я прячусь за портьеру в дверях гостиной и тайком смотрю на нашу мать на диване, а в кресле перед ней на военного: мать очень красива, в шелковом с приподнятым расходящимся в стороны воротником платье с небольшим декольте на груди, а военный в кресле одет сложно и блестяще, с густыми эполетами, с орденами, – мой крестный отец, генерал Сипягин».

«Еще вспоминается, а, может быть, это мне и рассказывала мать, что я иногда, когда она сидела с гостями, вызывал ее, маня пальчиком, чтобы она дала мне грудь, – она очень долго кормила меня, не в пример другим детям».

Мать его, Людмила Александровна, всегда говорила мне, что «Ваня с самого рождения отличался от остальных детей», что она всегда знала, что он будет «особенный», «ни у кого нет такой тонкой души, как у него» и «никто меня так не любит, как он...»

«В Воронеже он, моложе двух лет», – вспоминала она со счастливой улыбкой, – «ходил в соседний магазин за конфеткой. Его крестный, генерал Сипягин, уверял, что он будет большим человеком... генералом!»

В Воронеже Бунины поселились за три года до рождения Вани, для образования старших сыновей: Юлия, который родился на 13 лет раньше Вани, и Евгения, который был на год моложе Юлия. Выбрали они этот город потому, что были еще у них имения в этой губернии, и там жили родственники Бунины, помещики и домовладельцы.

Юлий был на редкость способным, учился блестяще. Например, пока учитель диктовал экстемпорале по-русски, Юлий писал по-латыни. Способен он был и к математическим наукам.

Евгений учился плохо, вернее, совсем не учился, рано бросил гимназию; он был одарен, как художник, но в те годы живописью не интересовался, больше гонял голубей.

Отец, Алексей Николаевич, живя в Воронеже, не пил, и Иван родился в трезвый период его жизни. Зато он предавался другой своей страсти – картам, проводя каждую ночь в клубе, проигрывал свое, а потом и женино состояние.

Людмила Александровна, рожденная Чубарова, происходила тоже из хорошего рода. Она была дальней родственницей Алексею Николаевичу, и в ней текла бунинская кровь. Мать ее была в девичестве Бунина, дочь Ивана Петровича.

Людмила Александровна была культурнее мужа, очень любила поэзию, по-старинному нараспев читала Пушкина, Жуковского и других поэтов. Ее грустная поэтическая душа была глубоко религиозной, а все интересы ее сосредоточивались на семье, главное, на детях.

В 1874 году Бунины решили перебраться из города в деревню, на хутор Бутырки, в Елецкий уезд, Орловской губернии, в последнее бунинское поместье. В эту весну Юлий кончил курс гимназии с золотой медалью и осенью должен был уехать в Москву, чтобы поступить на математический факультет университета.

Бутырки находились в глуши Предтечевской волости. Поля, поля – и среди них усадьба. «Зимой безграничное снежное море, летом – море хлебов, трав, цветов... И вечная тишина этих полей, их загадочное молчание...» Так через много лет воскресли эти детские воспоминания в «Жизни Арсеньева». Туда, распрощавшись навсегда с Воронежем, отправилась вся семья Буниных в просторном дормезе сразу после экзаменов Юлия.

Однажды летом, когда мы жили с Иваном Алексеевичем в Васильевском после 1907 года, в имении его двоюродной сестры, Софьи Николаевны Пушешниковой [6], мы с ее сыном Колей и с Юлием Алексеевичем ездили туда, где был хутор Бутырки, на месте которого колосилось, действительно, «море хлебов»... Иван Алексеевич все же указал место дома, варка, сада... Он с грустным видом долго слушал полевою овсяночку и неожиданно воскликнул: «Да это не Босфор, не Дамаск, не Италия и даже не Васильевское! Это мое грустное детство в глуши!...» А мне эта глушь несказанно понравилась тишиной и простором.

По возвращении из Воронежа Алексей Николаевич Бунин быстро приспособился к деревенской жизни. Он, вообще, жил настоящим, совершенно не умел унывать. Быстро возобновил дружбу с родными и знакомыми соседями. Завел легаша, гончих, борзых. Охотился, – он был лучшим стрелком в округе, попадал в подброшенный двугривенный. И, к несчастью, опять начал пить. Пил и в одиночестве, иногда по четверти водки в сутки, а затем отрезвлялся молоком, любил и сладкое, так что типичным алкоголиком не был. Иногда бывал буен во хмелю, но не первые годы в деревне, а, вероятно, когда начала давать себя знать печень. Хозяйством занимался спустя рукава, долги росли, и бедная Людмила Александровна имела много оснований жить в большой тревоге и глубокой печали.

В деревне она почувствовала одиночество: в Воронеже Алексей Николаевич почти никогда не отлучался надолго, были и знакомые, и родные. А здесь он неделями пропадал на охоте, гостил у соседей, а она только по большим праздникам ездила в село Рождество, да к матери в Озерки. Старшие сыновья были заняты своим: Юлий по целым дням читал Добролюбова, Чернышевского, так что нянька говорила ему: «Если будете так все время в книжку глядеть, то у вас нос очень вытянется...» Да и жил он в деревне только на каникулах, и у матери сжималось сердце при мысли, что ее первенец вот-вот уедет за четыреста верст от дому! Евгений немного занимался хозяйством, это было ему по душе;

ходил на «улицу», – на сборище деревенской молодежи, где под гармонию плясали и «страдали». Страдательными назывались ритмические, протяжные, рифмованные строчки. Он купил себе дорогую гармонию-ливенку и все досуги упражнялся на ней. И мать все время проводила с Ваней, все больше привязываясь к нему, избаловала его донельзя.

А он, попав на деревенский простор, прежде всего поразился природой, и ему запомнились, как он пишет в «Жизни Арсеньева», не совсем обычные в младенчестве желания: взобраться на облачко и плыть, плыть на нем в жуткой высоте, или просьба к матери, когда она его убаюкивала, сидя на балконе, перед сном, дать ему поиграть со звездой, которую он уже запомнил, видя ее из своей кровати. Через тридцать восемь лет, тоскуя по матери, умершей за два года до того, он писал стихи, начинающиеся:

В. Н. Бунина – гимназистка.

–

Дай мне звезду, – твердит ребенок сонный,

– Дай, мамочка

...

– Дай, мамочка... Она с улыбкой нежной

Берет худое личико: – Что, милый?

– «Вон ту звезду...» – «А для чего?» – «Играть...»

...

И кончается:

Прекрасна ты, душа людская! Небу

Бездонному, спокойному, ночному,

Мерцанью звезд подобна ты порой!

За природой в сознание Вани входят животные. И только с переходом из младенчества в детство жизнь его начинает наполняться людьми, хотя в ту пору он совсем не помнит братьев; вероятно, они на него не обращали внимания, – слишком велика была разница в возрасте. Между старшими сыновьями и Ваней было четверо детей: три сына – Анатолий, Сергей, имя третьего Иван Алексеевич забыл, и одна дочь Олимпиада.

После матери, которую он запомнил еще в Воронеже, он осознал няньку, отца, новорожденных сестер, слуг и, наконец, пастушат.

Самое сильное из радостных событий его детства была поездка в Елец, – ему нужно было купить сапожки, и родители взяли его с собой в город.

У ребенка эта поездка оставила глубокий след. В «Жизни Арсеньева» Бунин так пишет о ней: «Эта поездка, впервые раскрывшая мне радости земного бытия, дала мне еще одно глубокое впечатление». На возвратном пути из города, где его очаровали и берестовая коробочка с блестящей ваксой, и сапожки, о которых кучер сказал: «В аккурат сапожки», и эти слова запомнились Ване на всю жизнь, и подаренная плетка со свистком, а главное «звон, гул колоколов с колокольни Михаила Архангела, возвышавшейся надо

всем в таком великолепии, в такой роскоши, какие не снились римскому храму Петра, и такой громадой, что уже никак не могла поразить впоследствии пирамида Хеопса», он увидал за решеткой тюремного окна узника, «с желтым пухлым лицом, на котором выразалось нечто такое сложное и тяжелое, чего я еще тоже отроду не видывал на человеческих лицах: смешение глубочайшей тоски, скорби и тупой покорности, и вместе с тем какой-то страстной и мрачной мечты», как не раз рассказывал он мне и писал в «Жизни Арсеньева».

Года через два родились сестры Вани, одна за другой: сначала Мария [7], потом Александра. И его перевели спать к отцу. С этого времени у мальчика начинается восхищенная любовь к нему и увлечение холодным оружием, висевшим по стенам кабинета.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной научной
библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66